

К. М. Станюкович

В мутной воде

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

К. М. Станюкович

В мутной воде / К. М. Станюкович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-1972-9

В феврале 1877 года, в конце девятого часа вечера, у почтамтской церкви был большой съезд. То и дело подъезжали кареты. В ярко освещенной церкви все было готово для парадной свадьбы; там собралась уже порядочная толпа блестящих, раздушенных дам в бальных нарядах и мужчин в мундирах и фраках, на которых в избытке мелькали звезды.

Ожидали жениха и невесту, а пока, разбившись на группы, тихо смеялись и болтали, взглядывая на двери. Болтали о войне*, о последних телеграммах, сплетничали друг про друга, говорили о женихе и невесте, и все находили, что "маленькая" Елена Чепелева делает прекрасную партию, выходя замуж за Василия Александровича Борского...

ISBN 978-5-4241-1972-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Станюкович Константин
Михайлович
В мутной воде

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

В МУТНОЙ ВОДЕ

Оригинальный роман из последних событий

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Глава первая. Брак не по любви

Глава вторая. Ловкая женщина

Глава третья. Свадьба

Глава четвертая. Счастливый человек

Глава пятая. Встреча

Глава шестая. Приятели

Глава седьмая. "Ради бога, доктора!"

Глава восьмая. Наследники

Глава девятая. Муж и жена

Глава десятая. Объявление войны

Глава одиннадцатая. Алчущие

Глава двенадцатая. Последнее свидание

Глава тринадцатая. Богатая вдова

Глава четырнадцатая. У источника благ

Глава пятнадцатая. Американец-спаситель

Глава шестнадцатая. В ожидании добычи

Глава семнадцатая. Влюбленная вдова

Глава восемнадцатая. С глазу на глаз

Глава девятнадцатая. 30 августа под Плевной

Глава двадцатая. Генерал сомневается

Глава двадцать первая. Последний шаг

Глава двадцать вторая. Последнее письмо

Глава двадцать третья. За границей

Глава двадцать четвертая. На перевязочном пункте

Глава двадцать пятая. В госпитале

Глава двадцать шестая. Неожиданная радость

Глава двадцать седьмая. В суде

Глава двадцать восьмая. Обвинительный акт

Глава двадцать девятая. Подсудимые и свидетели

Глава тридцатая. Солнце после туч

Глава первая

БРАК НЕ ПО ЛЮБВИ

I

В феврале 1877 года, в конце девятого часа вечера, у почтамтской церкви был большой съезд. То и дело подъезжали кареты. В ярко освещенной церкви все было готово для парадной свадьбы; там собралась уже порядочная толпа блестящих, раздущенных дам в бальных нарядах и мужчин в мундирах и фраках, на которых в избытке мелькали звезды.

Ожидали жениха и невесту, а пока, разбившись на группы, тихо смеялись и болтали, взглядывая на двери. Болтали о войне*, о последних телеграммах, сплетничали друг про друга, говорили о женихе и невесте, и все находили, что

"маленькая" Елена Чепелева делает прекрасную партию, выходя замуж за Василия Александровича Борского.

* О русско-турецкой войне. Правящие круги России решили воспользоваться национально-освободительным движением в балканских странах против турецкого ига и укрепить свои позиции на Балканах. Такими были субъективные намерения царского правительства. Но с другой стороны - война эта избавляла славянские народы от турецкого владычества, и потому была поддержана ими. В романе "В мутной воде" Станюкович прежде всего уделяет внимание разоблачению русской буржуазии и чиновничества, которые, прикрываясь фразами об "освободительной войне", наживали капиталы в то время, как солдаты и простые офицеры гибли на фронте из-за бездарного военного руководства и бессовестного грабежа интендантов. Эти разоблачения вполне соответствовали духу революционного подъема, приведшего к созданию революционной ситуации в России конца 70-х - начала 80-х гг. XIX в.

Достаточно было сказать имя Борского, чтобы порадоваться за Елену. Имя Борского начинало приобретать в Петербурге известность. О нем говорили, как о восходящем светиле в мире дельцов, как об умном, образованном и замечательно счастливым человеке. Тут же вы могли бы узнать, если бы раньше не знали, что он поправил расстроившиеся было дела известных братьев Позняковых, с тех пор как стал управлять делами, сделался недавно компаньоном Позняковых, имеет сам несколько предприятий, пользуется блестящею репутацией и связями и, несмотря на то что начал всего года три или четыре, очень богат. Одни говорили, что у него миллион, другие - что больше, но все соглашались на том, что не менее миллиона и что дела его блестящи.

"Дельный, солидный и основательный человек!" - говорили про него обыкновенно мужчины. Дамы к этому прибавляли, что Борский очень интересен.

- Елена должна быть очень счастлива! - тихо заметила молодая брюнетка, жена известного финансового туза, оканчивая рассказ о замечательных словах, сказанных будто бы известным дипломатом. - Борский такой прекрасный человек.

- Говорят, Елена не очень-то желала этой свадьбы... У нее был маленький роман... Она, кажется, любит другого... - отвечала соседка, бойкая барыня с подкрашенным лицом и подведенными бровями...

- Детская шалость?... - проронила брюнетка.

- Вероятно... Я слышала, что свадьба эта - дело матери. Ведь вы знаете: мадам Чепелева умная женщина... У них ничего нет... Крохи какие-то остались... а долгов пропасть...

- А брат миллионер?

- Он не очень-то их балует... Разве оставит что после смерти... Говорят, он все завещал Елене, но теперь дает только пятьдесят тысяч.

- Только?

- И это еще слава богу! Он ведь такой взбалмошный старик... И эти деньги вымолила мать со слезами... Старик теперь без ума от Бениславской. Эта женщина его совсем опутала...

- Ну, Борскому все равно. Он так богат... Я слышала, он влюблен, как мальчик?

- Говорят... Впрочем, он вообще близок к семейству Чепелевых. Вы, верно, знаете, что он когда-то был у них в доме учителем я что сама мадам Чепелева очень ему нравилась...

Разговор перешел в шепот.

Молоденькая брюнетка, с темными блестящими глазами, жадно слушала чудовищную сплетню, которую подкрашенная барыня рассказывала со всеми подробностями, укорительно покачивая головой...

- Это в ее жанре... Так дочь выходит за любовника матери?

- Что же, это не редкость! - засмеялась дама. - Это бывает!

"И у тебя ведь тоже есть любовник!" - подумала она, продолжая весело болтать с брюнеткой.

Певчие грянули концерт.

Разговоры стихли. В церковь вошел жених.

Это был красивый, плотный господин лет тридцати, с умным и выразительным смуглым лицом. Он обходил группы знакомых, любезно пожимая руки и приятно улыбаясь. Не успел он еще обойти всех, как снова запели певчие и в церковь вошла, об руку с отцом, стариком генералом, невеста.

Стройная, грациозная, небольшого роста, она тихо шла, не оборачивая своей необыкновенно изящной головки. Ее прелестное, с тонкими чертами лицо было серьезно и торжественно. Бледная, она казалась еще бледней в белом подвенечном платье, а большие голубые кроткие глаза ее с каким-то детским испугом глядели вперед...

- Невеста имеет печальный вид! - заметили вокруг.

- Но зато как сияет мать!

И правда: мать сияла. Она весело кивала головой по сторонам, идя под руку с посаженным отцом, высоким седым генералом, хорошо известным в Петербурге и которому мужчины почтительно кланялись.

Несмотря на свои сорок лет и, пожалуй, с хвостиком, Чепелева была еще видная, полная брюнетка с блестящими подведенными глазами. Она весело улыбалась, открывая ряд чудных белых зубов, и вся сияла торжеством и счастьем...

Дяди-миллионера не было в церкви, и все это заметили.

Начался обряд венчания.

Священник венчал долго и торжественно, так что, когда обряд был кончен и все присутствующие успели основательно познакомиться с биографией молодых и с разными пикантными подробностями насчет Чепелевых, невеста едва стояла на ногах. Борский взял молодую жену под руку и торопливо повел ее из церкви.

II

Из церкви все поехали на Английскую набережную к молодым. О роскоши нового жилища давно ходили толки, и действительно квартира была роскошная. Везде ковры, бронза, цветы, картины. Дамы с любопытством и завистью рассматривали будуар, отделка которого, как говорили, стоила до двадцати тысяч. Всем чувствовалось как-то особенно приятно среди этого комфорта и роскоши, и все с каким-то особенным уважением смотрели на Борского, умевшего так мило устроить уютное гнездышко.

Лакеи разносили шампанское, фрукты и чай. Все поздравляли молодых и желали им счастья. Дамы целовали Елену и находили, что она прелестна. Елена успела уже оправиться и благодарила за эти фальшивые ласки и пожелания с улыбкой на устах. В гостиных шли разговоры, и главной темой, разумеется, была война. Молодежь находила, что война будет веселою прогулкой до Константинополя, и тут же кто-то рассказывал, как смешон был какой-то старый генерал, который доказывал, что нужна армия в триста тысяч. Все полагали, что война кончится очень скоро, в несколько недель. Дамы рассказывали, какие чудные вагоны устроены для раненых и как будет хорошо "нашим славным солдатам". Слушая, как им будет хорошо и как все эти милые дамы будут заботиться о них, оставалось только желать, чтобы было больше раненых. Все находили, что турки заслуживали урока и чем скорее дан будет им урок, тем лучше...

В маленькой гостиной около важного седого генерала сидело несколько генеральских эполет и звезд на фраках. Ожидали, что генерал скажет какую-нибудь новость, но он никакой новости не сказал, а вспоминал с Чепелевым о службе на Кавказе. Все почтительно слушали и смеялись, когда улыбался седой генерал. Борский был тут же и умел выждать время, когда генерал заговорил с ним. Борский незаметно навел разговор о трудности продовольствия армии и говорил по этому поводу толково и основательно, так что генерал слушал его со вниманием.

- Вы, видно, изучали этот вопрос! - тихо проговорил он, вставая, и прибавил: - Если вздумаете иметь с нами дело - пожалуйста...

Вслед за тем он уехал, а за ним стали разъезжаться и другие гости. Только в одной группе шел оживленный разговор. Плотный, плечистый, с большими выпученными глазами адмирал рассказывал о том, как недавно один молодой мичман просился у него на простой шлюпке взорвать турецкий монитор на Дунае.

- Воодушевление у моряков необыкновенное... - закончил он, - и турецкому флоту несдобровать...

- А что будут делать поповки?..

Адмирал сулил им большие дела и стал тут же доказывать, что если бы были у нас одни поповки, то было бы лучше.

Однако надо было уезжать. Адмирал не успел закончить лекции о круглых судах и, круто повернувшись, пошел прощаться.

Высокий худой господин со звездой, прощаясь с Борским, спросил:

- Говорили с генералом?

- Говорил... Кажется, он будет согласен...

- Это хорошо, а все-таки вам лучше съездить к Наталье Кириловне и с ней еще переговорить... Она... ну, да вы сами знаете... На днях побывайте у меня.

Скоро все гости разъехались. Остались одни Чепелевы.

Старик отец нежно глядел на Елену, держал ее за руку и тихо с нею разговаривал.

Чепелева у окна говорила с Борским.

- Каков дядя?! И на свадьбу не мог приехать... Это просто срам... Я у него была сегодня утром: говорит, болен и никого не принимает... Дать своей наследнице каких-нибудь пятьдесят тысяч... Я этого не ожидала.

- Он серьезно болен?..

- Однако выезжает и целые дни проводит у Бениславской... Это становится скандальным... в его лета и с его болезнью!

- Я знал эту барыню. Это энергичная женщина... Вы, Александра Матвеевна, вместо того чтобы понапрасну бранить их, узнайте-ка завтра получше, как там дела... Дело может кончиться серьезнее, чем мы с вами думали...

- Не лишит же он Лену наследства. Ее-то он любит?

- Все это очень возможно. Но вы знаете старика, на него легко может повлиять такая женщина, как Бениславская. Она на все способна... Было бы очень полезно старика удалить от нее...

- Но ведь вы знаете, Василе, я пробовала... Чем же это кончилось?

- Надо умней попробовать. Вы тогда, папан, слишком увлеклись... Старик у ведь недолго жить, говорят, а?..

Борский помолчал и спросил:

- А Леля грустна... Она сегодня плакала?

- Плакала, но все эти глупости пройдут... С вами она забудет свою детскую любовь! - отвечала она, кокетливо взглядывая на Борского. - Леля ведь еще так молода!..

- Вы думаете... забудет? - задумчиво проговорил Борский.

- Еще бы... Она такая мягкая... Вы только будьте нежней... Ну, да этому учить вас не к чему!..

Отец между тем прощался с дочерью.

Елена бросилась ему на шею и нервно зарыдала. Старик тихо плакал, прижимая к груди свою любимую "девочку".

- Ведь ты будешь счастлива? Да? Ведь будешь? - точно старался уверить себя старый генерал. - К чему же слезы? Ты не плачь!.. - шептал он, прижимая к себе ее голову.

- Буду... буду... папочка... Я так... Тебя жалко, а обо мне ты не беспокойся... Привыкну... - говорила она, утирая слезы. - Я к тебе буду часто приезжать. И ты не забывай свою девочку... слышишь?.. Приезжай ко мне чаще. Да смотри, папа, - краснея, шепнула она ему, - не забудь передать письмо Венецкому... Ты не беспокойся... я только прощаюсь с ним... Он ничего не знает... Скоро придет, верно... Ты прими его...

- Не забуду... Приму... моя крошка!.. - отвечал старик и стал поспешно крестить Елену. - Твой муж добрый человек, Леля... Он любит тебя... И ты люби его...

- Смотрите же, Василий Александрович, - проговорил он как-то торжественно, обращаясь к Борскому, - берегите Лелю... Она!.. она...

Он что-то хотел сказать, но не договорил и тихо побрел из гостиной...

Мать обняла Елену, назвала ее счастливницей, сказала, что все ей завидуют, перекрестила ее и торжественно заметила:

- Ну, милое дитя, счастье у тебя в руках... Будь же счастлива.

Прощание вышло несколько холодное.

Молодые остались одни.

Елена опустила в кресло и рассеянно перебирала платок. Слезы текли по ее лицу. Борский подошел к ней, тихо взял ее за руку и промолвил:

- Елена! Вы устали. Вам нужно отдохнуть...

Елена покорно поднялась с кресла.

- Елена! - тихо прошептал Борский, поднося ее руку к своим губам. Скажите,

могу я рассчитывать, что вы меня со временем... полюбите?..

Она вздрогнула.

- Вы знаете... я... я... очень благодарна вам за все, что вы сделали для нас, и постараюсь быть хорошей женой...

Он тихо пожал ее маленькую руку и больше ни о чем не спрашивал, проводил ее из гостиной и сдал на руки горничной.

Уже был час ночи, а Борский не собирался спать. Он нервно ходил по роскошному кабинету, и мрачные мысли толпились в его голове. Он вспомнил прошлое, надежды юности, иных людей, иную обстановку. Он тогда был беден и никогда не рассчитывал быть богачом, а потом вдруг все изменилось... Он почувствовал какую-то страсть к наживе, точно игрок... Он был счастлив и скоро составил себе состояние. Удача шла за удачей, спекуляции удавались. Он был богат, а теперь?

Он усмехнулся. Все считали его миллионером, а между тем он был накануне полного разорения, и если бы ликвидировать дела, то остался бы громадный дефицит.

Но он снова надеялся... Один другого грандиознее планы зрели в его голове. Он мечтал о новых спекуляциях, рассчитывал будущие барыши... Если бы умер дядя и оставил Леле состояние, то каких бы чудес не наделал он с этими деньгами?.. У него в руках были бы миллионы.

Но он поправится... Война на носу, и умному человеку довольно дела. Еще кредит есть. Еще целый месяц впереди до срока огромных платежей, а в месяц чего не сделаешь? Быть может, дядя даст денег.

"Хоть пятьдесят тысяч и капля в море, но они все-таки помогут! подумал Борский. - Пока это последний шанс".

И он снова мечтал о новых спекуляциях и сердито отгонял всякую мысль о разорении...

- Все меня считают богачом и должны считать! - проговорил он.

Он вспомнил об Елене, и что-то тяжелое шевельнулось в нем. Любит ли он ее?.. Да, он ее любит, но он откровенно сознался, что он не женился бы, если бы не ожидаемое наследство. Он дал себе слово беречь ее... любить, и она будет счастлива.

Часы пробили два, Борский стал медленно раздеваться. Перед ним пронеслись картины его молодости, когда он был студентом и ходил пешком с Петербургской давать уроки и изучал философию...

- Как все это давно было! - проговорил Борский. Он укутался в атласный халат и вышел из кабинета.

Глава вторая

ЛОВКАЯ ЖЕНЩИНА

I

На часах пробил девять, когда в полутемный будуар роскошного бельэтажа на Гагаринской набережной вошла, неслышно ступая по пушистому ковру, пожилая горничная, одетая в безукоризненно белый чепец и такой же передник. Торопливо приблизившись к окнам, она отдернула занавески и подняла шторы.

Снопы света ворвались в окна и осветили ярким блеском солнца изящный женский будуар с мягкой изысканной мебелью, с цветами, картинами игривого содержания по стенам, обитым бледно-розовым кретоном, и множеством дорогих

безделок.

- Варвара Николаевна! Извольте проснуться. Девять часов! - тихо проговорила горничная, приблизившись к алькову.

Не успела она договорить последних слов, как маленькие женские выхоленные руки развернули занавеску алькова и между складок бледно-розового кретона показалась красивая женская головка.

Темные *châtin* волосы обрамляли овал бледного, выразительного, серьезного лица с большими, глубоко сидящими, темными глазами сухого блеска, чуть-чуть приподнятым носом, тонкими, сжатыми в нитку губами и маленьким, заостренным книзу подбородком. Это лицо можно было бы назвать прелестным, если бы не сухой взгляд и какая-то едва заметная черточка около углов маленького рта, придававшая лицу неприятное, злое выражение. На вид ей было лет двадцать пять или шесть.

Она слегка прищурилась на свет и проговорила приятным, грудным контральным голосом:

- Я давно проснулась. Скорей, Параша, одеваться.

Варвара Николаевна быстро всунула босые ноги в крошечные, отороченные мехом туфли, накинула пеньюар на плечи и, вздрагивая плечами от охватившего ее тело свежего воздуха, скользнула в соседнюю комнату, где ожидала ее ванна.

Чрез полчаса она вернулась в спальную, и тут начался ее туалет. Этим делом она обыкновенно занималась особенно тщательно. Сидя перед зеркалом, она внимательно взглядывала на свое лицо, а Параша расчесывала ее чудные волосы.

В это время, осторожно ступая кошачьими шагами, вошла старая, некрасивая женщина с пронзительным, зорким взглядом маленьких воспаленных глаз. Она была вся в черном, в плисовой шапочке, из-под которой выбивались пряди седых волос.

Приблизившись к Варваре Николаевне, она перекрестила ее три раза, фамильярно чмокнула в губы и, усаживаясь на мягкую табуретку у ног ее, спросила:

- Ну как ты, моя королевна, спала?

- Скверно, Макридушка... Сна нет...

- Будет и сон... Будет, - говорила эта странная женщина каким-то особенным полупшепотом. - Я тебе сегодня на зорьке гадала.

При этих словах Параша искоса взглянула на старуху, и тонкая усмешка пробежала по Парашиним губам.

"На зорьке-то ты спала!" - подумала она, но ни слова не сказала, зная, что Варвара Николаевна питала какую-то страсть к разным гадальщицам и странным старухам, которые постоянно переменялись в этом доме.

- И что же вышло?

- Хорошо вышло. Исполнение желания!

- Правда?

- Ты знаешь, Варвара Николаевна, я неправды не люблю. За твою за хлеб за соль я врать не стану...

И странно: эти произнесенные спокойно, уверенным тоном слова произвели на молодую женщину видимое впечатление. Она весело улыбнулась.

- И все мои желания исполнятся?

- Все, родная моя, все...

- Ах, если бы все...

Она весело болтала с Макридушкой, пока Параша убирала ее чудные волосы. Затем ей подали капот, и она, розовая, белая, с кольцами на пальцах, вошла в маленькую гостиную, где уже готов был кофе и лежала газета.

После кофе Варвара Николаевна села за маленький столик, заказала обед и стала писать письма.

В первом часу у Варвары Николаевны начался обычный прием... Но кто такая эта Бениславская? - быть может, спросит читатель.

Бениславская появилась в Петербурге года четыре тому назад, и скоро о ней заговорили, как об очень красивой, умной и образованной женщине, живущей очень открыто и роскошно. Говорили, что она вдова, дочь какого-то бедного генерала, но подробностей ее биографии не знали, да и не вдавались в нее, точно так, как не интересовались знать, откуда у нее средства. Знали, что у нее обширные связи и знакомства, что у нее бывают сановники и дельцы, указывали то на одного, то на другого любовника, но ничего верного никто не знал. В последнее время говорили, как о счастливце, о старике Орефьеве, богаче, родном брате Чепелевой, но и эти слухи были не более как слухами, которые, впрочем, Бениславская и не старалась опровергать. Дамы встречали ее косыми взглядами и не посещали ее. Мужчины, напротив, очень охотно посещали ее салон по вечерам и играли в карты.

К ней ездили за советами, ездили по делам и знали, что она сумеет дать совет и сумеет пустить в ход дела. Как ловкая женщина, она смело эксплуатировала своими связями и умела проникать в такие кабинеты, куда обыкновенному смертному проникнуть было трудно. Она пускала в ход все средства, и когда раз спросили ее, чем она живет, то она не без веселости сказала, что живет своим умом и молодостью.

Лакей во фраке и белом галстуке подал ей карточку.

- Просите сюда! - проговорила она, поправляя волосы.

Через минуту в гостиную вошел маленький черненький господин во фраке, с физиономией, сразу обличавшей его еврейское происхождение. Низко кланяясь, нерешительно подходил он к Варваре Николаевне.

- Садитесь... сюда, поближе! - сказала она, указывая на стул. - Очень рада с вами познакомиться. Мне о вас говорили... Вы недавно приехали?..

- Четыре дня тому назад! - ответил господин с заметным еврейским акцентом в произношении.

- Сколько мне известно, господин Гольдблом, вы имеете намерение получить подряд в действующую армию?

- Точно так... Я очень желаю... Я подавал докладную записку.

- Она с вами?

- Вот-с она... Не угодно ли?

Господин Гольдблом подал бумагу.

Варвара Николаевна прочла ее и, подавая ему назад, проговорила:

- Я думаю, это можно устроить.

- Можно? - обрадовался Гольдблом.

- Я полагаю.

- Я был бы так благодарен вашему... вашему превосходительству... Я бедный человек...